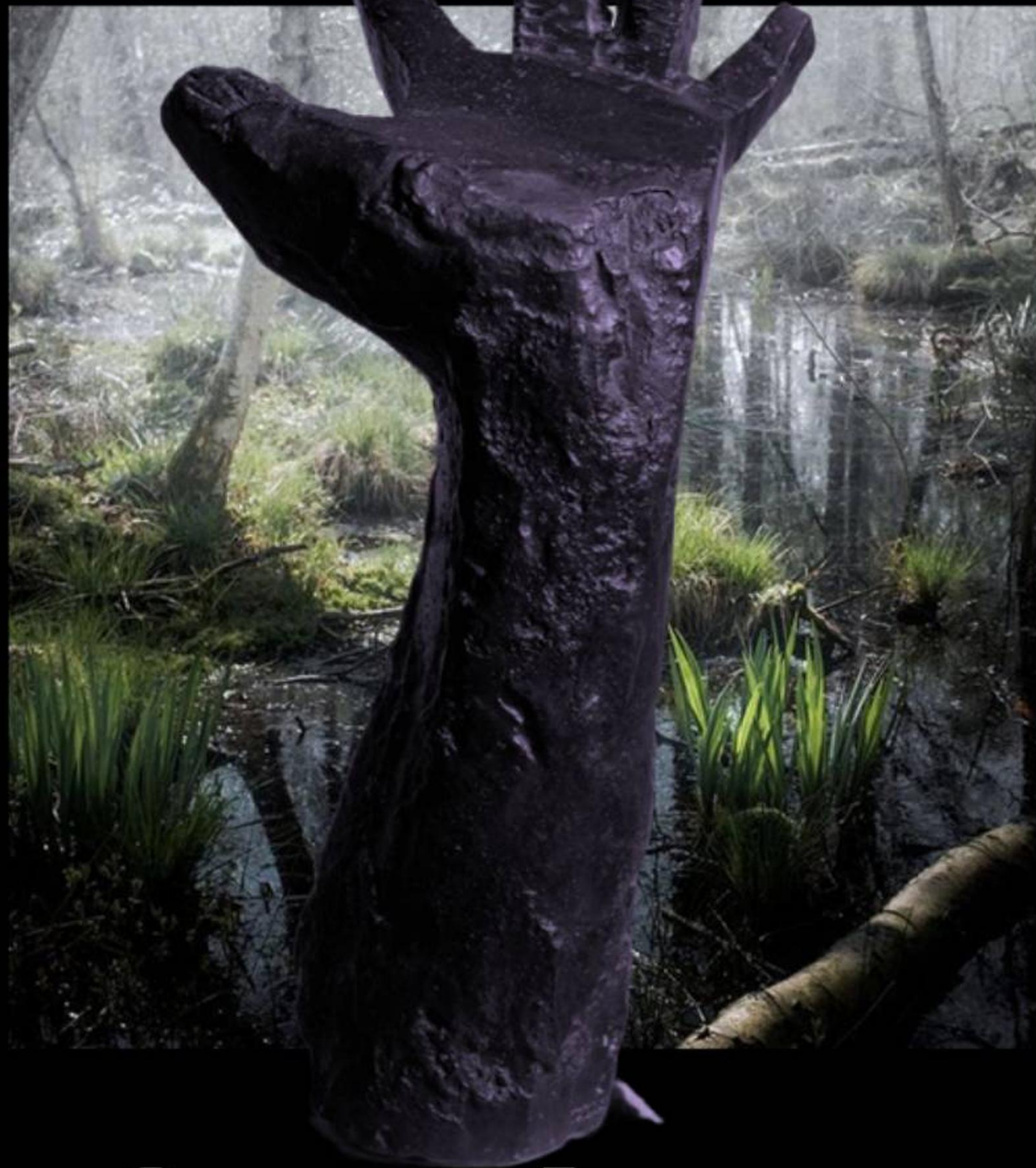

КАХРОГ

Перерезать нитовзну

СТАНИСЛАВ ЕВДОКИМОВ

18+

Станислав Евдокимов

Кахрог. Перерезать пуповину

«Автор»

2025

Евдокимов С.

Кахрог. Перерезать пуповину / С. Евдокимов — «Автор», 2025

Кахрог носит в себе проклятие, обращающее жизнь в окаменевшую тишину. Он пришёл в Гниlostные Топи — царство вечной мутации, где людьми торгуют на вес, а деревья стонут человеческими голосами. Его цель — эпицентр Порчи. Его проводник — мутантка Скрип, которая ведёт его не за золото, а из мести к собственному «родителю». Их путь лежит через болота, пожирающие память, поселения отверженных и живые мосты, взимающие плату чувствами. Найдёт ли Кахрог в сердце гнили исцеление или станет тем, что окончательно сломает хрупкий баланс этого мира? Чтобы остановить всепожирающую жизнь, возможно, придётся забыть, что значит быть живым.

Содержание

Глава 1: Город на костях	6
Глава 2: Дорога из Мяса и Глины	9
Глава 3: Лагерь Отверженных	12
Глава 4: Плата	16
Глава 5: Шрам на душе	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Станислав Евдокимов

Кахрог. Перерезать пуповину

*Мир не болен. Он – в агонии.
И не каждую агонию стоит прекращать.
Но некоторые крики слишком громки,
чтобы их игнорировать.*

Глава 1: Город на костях

Ветер в Червовом Торге тянулся из Гнилостных Топей, принося с собой сладкий запах разложения, влажной земли и чего-то ещё, металлического будто кровь на языке. Воздух был густ, и каждый вздох оседал внутри сырой тяжестью. Жители Торга давно были пропитаны этим воздухом.

Кахрог ступил на обветшалые мостки, служившие главной улицей. Покосившийся город, большей частью возвышался над трясинной, стоя на сваях из чёрного смолистого дерева, почерневшего от времени и влаги. Часть построек, будто бы тянулись вниз к болотам, их стены поросли сине-зеленой плесенью. Под ногами скрипели и прогибались доски, а в щелях вместе с проросшими растениями, стояла темная вода.

Но не архитектура определяет лицо Торга. Его лицом были жители. Их было много. "Отмеченные". Человек с чешуйчатым участком кожи на лице, блестящим, как рыба грузил тюки в лодку. Женщина с четырьмя тусклыми глазами, видневшимися из-под большой повисшей шляпы, торговалась за пучок кореньев. Бледные мальчишки, будто не видевшие в своей жизни солнца, гоняли мячик по мосткам, давно забывшим о рабочих руках. Они не прятались. Не были сжигаемы на кострах. Здесь, обычное дело быть мутантом. На самой границе Порчи, в мутации не видели проклятья, она становилась товаром.

Кахрог видел, как у стойки возле кочующей алхимической лавки, мужчина демонстрировал кусок собственной, свежесодранной кожи, покрытой жесткими костяными пластинками. Алхимик щупал товар, кивал. Рядом, в мастерской дымилась печь, где кузнец в кожаном фартуке, с руками, покрытыми ожогами и струпами, вплавлял в нагрудник перламутровые чешуйки. Город на костях спрашивается. Нет, скорее всего, этот город стоял на живых, медленно разбираемых на части телах.

Кахрог шел, молча, его лицо скрывал глубокий капюшон и обмотки из грубой ткани. За спиной в потрепанных ножнах, дремал его двуручный меч – длинный, прямой, без украшений и гравюр. Единственным проблеском чего-то иного были его руки. Из-под краёв поношенных перчаток на запястьях выползал причудливый шрам. Он разливался тусклым пепельным цветом, и его рисунок напоминал окаменевшую молнию, вмерзшую в грубую плоть. Иногда, в полной темноте, казалось, будто бы он слабо светился.

Он искал не товар, а путь. Путь к эпицентру. Дорогу к источнику этой гнили, распространившейся далеко по земле, и цветущей уродливой жизнью, что мы лицезреем на улочках Червового Торга. Для этого ему нужен был проводник.

Таверна "Пузырь" была такой же, как и весь город: низкой, тёмной, дышащей грибок и перегаром. Воздух внутри был ещё гуще, пропитанный запахом дешёвого крепкого алкоголя, жареной рыбы и похлебки. Стоящих запах пота рабочих тел. На Кахрога посмотрели десятки глаз – обычных, раскосых, с разными зрачками, больных и покрасневших. Затем они отвели взгляды. Чужаки здесь не редкость, многие стекались за большим разнообразием диковинок тел. Главное, чтобы их кошель звенел, а товар всегда найдется.

Кахрог занял место в углу, спиной к стене. Он заказал кружку их ходового пива, выложив медяки. Деньги взяли быстро, а вот пиво приносить они не особо торопились.

Нашли его сразу.

– Эй, тихушник, – раздался хриплый голос над ним. Перед столом стояла громадина в кожаном доспехе. На груди и плечах доспеха были искусно вшиты блестящие чешуйки, явно мутантского происхождения. Лицо головореза было покрыто шрамами, а один глаз мутно белел. – Хорошая ковырялка у тебя за спиной. Покажи-ка.

Кахрог не пошевелился.

– Оглох, что ли? – Верзила отодвинул край плаща, указывая на рукоять массивного тесака на поясе.

– Я говорю, показывай. Оценить. Мало ли украл у кого. У нас порядки такие.

В таверне затихли. Все ждали представления. Подобные проверки были обычным делом – способом отжать у чужака что-то ценное под благим предложением.

Кахрог медленно поднял голову. Из-под капюшона виднелся лишь жесткий щетинистый подбородок и тонкие, сохлые губы. Он не проронил ни слова.

– Ладно, сам посмотрю, – вздыхая, проворчал головорез и шагнул вперед, протягивая руку к ножнам за спиной чужака.

В этот момент Кахрог двинулся. Не вставая, он ловко отклонился, и его правая рука, легла на нагрудник головореза.

– Ах, ты, сукин... – начал, было, громила и замер.

Предвкушение зрителей, нарушил тихий, сухой треск, похожий на ломающийся леденец. От центра ладони Кахрога по блестящим чешуйкам побежала волна. Они не темнели постепенно, они мгновенно чернели и рассыпались в мелкую, угольную пыль. Кожаный лат под ними, только что гибкий и прочный, внезапно сморщился, стал сухим и ломким, как древний пергамент. Треск усиливался, распространяясь по всей нагрудной пластине. Через секунды она представляла собой хрупкую, крошащуюся корку.

Головорез отшатнулся с криком ужаса, выходящим из немоты. Он старался быстрее сорвать с себя то, что было доспехом, и все увидели, что под ним творилось с его кожей. На месте где легла рука, плоть покрылась стекловидными, серыми волдырями, будто ее мгновенно ошпарили и высушили. Боль, судя по его лицу была жгучей.

– Проклятый! – завопил кто-то с дальнего стола. – Мор-носитель! Гони его!

Шум нарастал. Кахрог медленно поднялся. Его движение заставило ближайших отпрянуть подальше к стойке и стенам. В его молчании, в этом спокойном, невозмутимом лице было нечто куда более жуткое, чем в ярости любого существа. Он не был разносчиком заразы. Он был ее врачом. Концом.

Он пытался спокойно дойти до выхода, но в середине пути его вытолкали. Нет, не грубо, а с суеверным страхом, тыкая в спину, чем попало, лишь бы не прикасаться к чуждой для них силе. Кахрог снова оказался на зыбких мостках, под влажным ветром, а его сухие губы так и не прикоснулись к пиву. Дверь "Пузыря" захлопнулась за ним, и щель под ней тут же заткнули тряпьем.

Он стоял, глядя на свои руки. Снял правую перчатку. Шрам легонько мерцал, затем угас. Он снова натянул перчатку.

– Они боятся не того, – раздался голос сбоку. Тихий, с легким шипящим призывом.

Кахрог повернул голову. На перилах боковой лестницы, свернувшись почти в кольцо, сидела девушка. Или то, что когда-то было девушкой. Половина её лица – скула, щека, уголок губ – были покрыты мелкой, изумрудно-зеленой чешуйкой. Глаза были желтыми, с узкими вертикальными зрачками, как у змеи. Из-под поношенной куртки выбивался длинный, цепкий хвост, которым она балансировала на скользких деревянных перилах.

– Они боятся того, что убьет их быстро, продолжила она, не моргая, смотря на него. – Но не боятся Топи, которая убивает медленно и верно, превращая в это. – Она кивнула на свои чешуйки.

Кахрог молчал.

– Ты ищешь путь к самому Сердцу это гнили, – она не спрашивала, констатировала факт. – К тому что бьётся в самой глубине. Я укажу тебе путь, смогу провести... Я – Скрип.

– Почему? – впервые произнес Кахрог. Его голос был низким, глухим.

Скрип сползла с перил и встала перед ним. Она была невысокой, но в её позе чувствовалась пружинистая сила твари с болот.

– Не ради наживы, – прошипела она. – Деньги здесь все равно увянут. Я проведу тебя через всё, что знаю. А ты... ты убьешь то, что меня породило. Ту, что отложила во мне семя превращения, оставив это... – Она провела когтистыми пальцами по своей чешуйчатой щеке. – Убьешь "Мать". Понимаешь?

Кахрог смотрел в её змеиные глаза, полные не детской обиды, а раздирающей изнутри ненависти всего сущего к своим создателям, когда перед творением встаёт вопрос: "Почему?". В её предложении была возможность.

Он медленно кивнул.

– Хорошо, – сказала Скрип, и ее тонкий раздвоенный язык на мгновение мелькнул в воздухе, словно пробуя его запах. – Тогда уходим и поскорее. Пока "Очистители" не пронюхали про тебя. А они точно пронюхают. Ты для них не просто диковинка. Ты интереснее, чем все мы вместе взятые.

Она развернулась и тихо заскользила по мосткам в сторону чёрной стены болотной чащи. Кахрог бросил последний взгляд на захлопнутую дверь таверны, на город, торгующий своими собственными частями, и пошел за ней. В туман, в гнилость, навстречу бьющемуся Сердцу Порчи.

Его путь начался.

Глава 2: Дорога из Мяса и Глины

Два дня дороги до Топей прошли безмолвно. Ни Кахрог, ни Скрип не проронили, ни слова, они лишь пристально приглядывались друг к другу. Хотя они и стали союзниками на этом нелегком пути, в сердцах обоих томилось недоверие к своему союзнику. Лишь совместный ночлег, молчаливое предложение поесть и дорога, проходящая сквозь густой, высокий лес, перекрывающий серое небо, сопровождали их.

Вскоре в свои объятия их приняли Топи, мягкие и влажные. Воздух стал ещё гуще, сладковато-гнилостный запах въедался в одежду, в волосы, в кожу. Это был не просто запах – он был тяжким вкусом на языке, бельмом на глазах. Небо исчезло вовсе, скрытое густым туманом и сплетением крон деревьев, с раздутыми, покрытыми жировыми наплывами стволами. Наплывы эти зачастую были похожи на нечто, отдаленно напоминающее лица, искаженные гримасами боли, отчаяния или даже экстаза. Видно было, как некоторые из этих физий даже плакали смолой деревьев. Они застряли в древесной плоти. Земля под ногами не была твердой. Она была податливой, и каждый шаг отзывался тихим чавканьем. Иногда грунт слабо пульсировал, сопел, как спящее животное. Скрип шла легко, её тихий, пресмыкающийся шаг находил опору там, где Кахрог проваливался по щиколотку. Ее хвост работал как балансир и на ходу ощупывал кочки.

– Здесь не любят таких амбалов, как ты, – сипло прокомментировала она, видя, как Кахрог с усилием вытягивает ногу из жадной трясины.

– Смотри, не оставь сапог в этом смрадном болоте.

Он не ответил. Лишь ухмыльнулся, казалось, он начинал потихоньку привыкать к своей спутнице. Взгляд Кахрога начал скользить по неестественной растительности. Цветы с лепестками, напоминавшими высунутые слюнявые языки, источали тяжкий аромат, приманивая роящихся мошек с чёрными, будто маслянистыми, крыльями. Грибы размером с кошку пульсировали у их основания, выделяя слизь. Всё здесь дышало, росло, перетекало из формы в форму с неприличной, пугающей активностью.

Спустя часы пути Кахрог начал привыкать, его движения стали скользкими, его громоздкое тело уже не так затягивало в пучины болот, он стал перенимать ее походку.

Вскоре болото изменилось. Шум жизни – кваканье, стрекот, шелест – стих, сменившись гнетущей, бархатной тишиной. Вода между кочками стала чёрной, зеркальной, неподвижной. Воздух потерял тот тяжёлый запах, став стерильным. Пустым.

– Шепчущая Трясина, – предупредила Скрип, замедляя шаг и наклоняясь к нему лицом. Ее хвост напрягся. – Не останавливайся. И не слушай.

Они шли медленно по узкой гряде более твёрдой, но всё равно зыбкой почвы. Кахрог осматривался по сторонам в ожидании опасности. Тишину разорвал шепчущий отзвук. Сначала он был похож на шелест камыша. Потом в него вплелись обрывки слов, вздохи, сдавленный плач. Шёпот исходил не из одной стороны, он плелся отовсюду: из черных вод, из тумана, из стволов деревьев. Лез в уши липкими, холодными нитями.

"...мама, где ты, я... я не могу выбраться..."

"...клянусь, это все, что я могу отдать, пощадите,... оставьте хотя бы ее..."

"...так холодно, как же холодно и больно внутри..."

"...я больше так не могу..."

Кахрог стиснул зубы, пытаясь отгородиться стеной собственного безмолвия. Но шепот находил щели. Он не атаковал – он наполнял собой, как вода наполняет тонущий корабль. Память Кахрога тоже тонула. Тонула в обрывках чужих воспоминаний, жизней, которых он не проживал: вкус свежееиспеченного хлеба на последнем ужине, лицо жены и детей, острый ужас последнего вдоха перед тем, как вода хлынула в легкие.

Рядом застонала Скрип. Она замерла, уставившись в пустоту. Её змеиные глаза расширились от ужаса.

– Почему? – выдавила она. – Почему ты бросила меня, свою... – в ее глазах накатились слезы.

Скрип затряслась, ее когти впились в собственные плечи, она упала на колени и неспеша её тело начало утопать в болоте. Она теряла связь с реальностью, застревая в кошмарах собственного прошлого.

Кахрог сфокусировал все свое внимание на Скрип и, оторвавшись от шепота, понял: трясина питалась не телами, а памятью. Она запечатлела последние мгновения утонувших и делилась ими, чтоб найти такие же души, затянуть глубже и снова сохранить воспоминания. Она действовала инстинктивно. Недолго думая, он сбросил перчатку, опустился на колени и, нащупав место, вдавил обнаженную руку во влажную, теплую землю, как можно глубже.

Мерцающий шрам на его руке вспыхнул тусклым пепельным светом. Волна побежала по его ладони в землю и грязные воды. Тихое чавканье почвы постепенно начало умолкать. Пульсация замерла. Живая, мягкая грядка под его рукой стала на ощупь, как сухой, пористый камень. Шепот оборвался на полуслове, сменившись оглушающей тишиной. А затем чёрная, зеркальная вода Трясины забурлила. На поверхность медленно и величаво начали всплывать десятки тел. Они были нетронуты разложением. Кожа имела восковой, желтоватый оттенок, одежда была цела, выражения лиц – застывшие в момент последней агонии или покорного принятия. Они были идеальны, словно пропитанные бальзамическим раствором. Скрип ахнула, отшатнувшись от края. Видение исчезло. Она тяжело дышала, глядя то на трупы, напоминающие восковые фигуры, то на Кахрога, с его зарытой по локоть рукой.

Тишина стала обычной, где-то снова стали слышны стрекот, шелест и кваканье. Магическая хватка Трясины была сломлена. Кахрог приложил силу и вытащил руку из уже застывшей земли, отряхнул её и снова натянул перчатку. Его лицо под капюшоном казалось непроницаемым, но он не мог отвести взгляда, то от своей руки, то от повсюду разбросанных тел.

– Что?... что ты сделал? – прошептала сквозь ещё оставшиеся после воспоминаний слезы Скрип. Ее голос дрожал. – Ты не убил ее... Ты остановил. Она замолкла навсегда. – Да, – коротко ответил Кахрог, все не отводя взгляда от тел. – Но это же, по сути, сила Порчи наоборот, – любопытство Скрип пересилило шок. – Мать все делает живым, меняет, заставляет шевелиться. А ты... Ты же успокаиваешь их, возвращая к обратному состоянию. Они забывают, что могут жить. Когда-то и Шепчущая Трясина была просто трясиной, и теперь снова стала таковой.

Кахрог на мгновение перекинул взгляд на Скрип. – Я не разносчик смерти, это правда – сказал он глухо, будто признаваясь в этом впервые. – Но ты немного не права в своих выводах. Смерть – это процесс. Разложение, превращение в прах, пища для червей. Я – не это. Я не приношу смерть. Единственное, что я могу сделать, это отобрать возможность процесса. То, к чему я прикасаюсь, теряет саму возможность жить, разлагаться, меняться. Теперь эта Трясина не та же, что была до "жизни". Это окаменевшее воспоминание о той жизни, инстинктах, шепоте. Скрип молчала, переваривая сказанное. Её молчание снова прервал Кахрог: – Я думаю, нам стоит сжечь всех этих отмучившихся. Пойду, наберу хворост.

Он отвернулся и ушел на поиски дров. Скрип лишь молча, посмотрела на его закутанную спину, на ножны с мечом и кивнула. Она отправилась в другом направлении, слыша издали, как Кахрог с истошными криками и лязгом металла рубил деревья своим длинным мечом. Тогда она начала ощущать в нем то человеческое, чего ей не хватало всю дорогу. Вскоре, когда хворост и дрова были собраны и уложены в одну большую кучу, Кахрог начал переносить тело за телом, укладывая их вместе, и друг на друга. Они разожгли огромный костер с двух сторон. Отошли чуть подальше, сели и просто смотрели.

– Наконец-то они перестали тонуть, – спустя час промолвила Скрип. Кахрог кивнул, почти незаметно. Он встал, подозвал ее жестом, и они пошли дальше. Шагнули с окаменевшего островка, оставленного силой Кахрога, обратно в мягкую, чавкающую грязь, оставляя за собой тихую гавань вечного покоя и огромный кострище с телами тех, кто больше никогда не утонет в пучине собственных воспоминаний.

Глава 3: Лагерь Отверженных

Здесь не было поселения, всего лишь стайка существ, прибитых к случайному островку общей бедой и страхом перед открытой трясиной. Никаких сложных построек, только рваные навесы из промасленной кожи и гигантских листьев. Костров не жгли, но в центре площадки жила и дышала гигантская грибница – её шляпка, покрытая сизыми язвами, испускала тусклое багровое сияние и волны душливого сладкого тепла. Это и был очаг.

Лагерь был живой иллюстрацией безразличия Порчи к форме. Кахрог остановился в десяти метрах, позволяя Скрип войти первой. Она кивнула стражу – гуманоиду с руками, раздутыми до нелепых размеров и покрытыми коркой, похожей на потрескавшуюся глину. Он стоял, оперевшись на свои руки, как горилла. Существо промычало что-то, его маленькие глазки-бусинки скользнули по фигуре Кахрога, и оно отступило, пропуская их.

Первый, кто бросился в глаза – женщина у грибницы. Её кожа от ключиц до поясницы была прозрачной, как лёд. Под ней, в желтоватой жировой прослойке и между мышечных волокон, плавно извивались толстые бледные черви. Они не пожирали её, они были частью активной живущей системы. Она время от времени проводила ладонью по прозрачной пленке, успокаивая их движение. Рядом было двое детей: у одного из спины росло несколько тонких конечностей, похожих на конечности паука, у другого – с ритмично открывающимися на шее рядами розовых жаберных щелей. Они игрались камешками. Дальше – сгорбившийся мужчина, на его спине, сросшись с позвоночником и ребрами, висел его брат-близнец – маленькое недоразвитое тело с закрытыми глазами и вечно открытым слюнявым ртом. Каждое движение мужчины заставляло безжизненные конечности близнеца болтаться, а рот беззвучно шевелить губами, как будто вторил своей тихой боли. Здесь не было ни торговцев, ни алхимиков, ни соглядатаев за иными, чуждыми людской натуре, существами. Был только тяжкий молчаливый труд по выживанию и смирение с тем, что, возможно, мутация пойдет дальше, превратив в нечто нежизнеспособное или заставит утраститься даже самих себя. Было и ожидание того, что когда-нибудь их настигнет тот мир, который их принять никогда не сможет.

Скрип казалась здесь своей. Её встречали сдержанными кивками, иногда сиплым приветствием. Её чешуя и змеиные глаза здесь были не клеймом, а просто ещё одной формой бытия. Она повела Кахрога к самому большому навесу, находившемуся у громадного чёрного дерева, давно мертвого, но не сгнившего. Оно будто застыло в вечной предсмертной агонии. Под навесом, в странном симбиозе с деревом, сидел старый мутант. Его прозвали Корень. Имя было буквальным. Его ноги от колен вниз превратились в плотные узловатые древесные корневища. Они не просто походили на корни, они были ими, врастая глубоко в землю и переплетаясь с корнями дерева. Он не мог сдвинуться с места. Его тело, иссохшее, покрытое лишайниками и мхами, казалось естественным продолжением ствола. Но глаза под нависшими седыми бровями горели острым выстрадавшим разумом.

– Скрип, – сказал он, и его голос был похож на шелест сухих листьев под ветром. – Вернулась. И привела с собой друга. Не слышал я, чтоб глыбы ходили в плащах.

Он смотрел прямо на Кахрога, его взгляд был тяжелым и оценивающим.

– Он не из Очистителей, Корень, – быстро проговорила Скрип. – Он ищет путь к Сердцу.

– Все, кто идут к Сердцу, ищут погибель, – отозвался старик. – Кто-то – гибель Порчи, кто-то – гибель своим страданиям. А он... я чувствую его. Ты же знаешь, Скрип, я – Корень, а корень сожигает с грибницей, а грибница распространяется дальше к другим корням, к другим грибам. Мы чувствуем, мы передаем. Я знавал его силу. Подойди поближе, камень, я бы хотел видеть тебя своими глазами.

Кахрог сделал несколько шагов, остановившись в шаге от границы, где земля под навесом кишела мелкими корешками. Он медленно снял капюшон. Бледное изможденное лицо, мор-

щины под глазами и мелкие шрамы, отголоски минувшей жизни, глаза цвета мокрого пепла. Но Корень смотрел не на лицо, он смотрел на его руки. Кахрог после долгой паузы снял перчатку. Мерцающий шрам-молния предстал во всей своей красе.

Старик не моргнул. Ему не было страшно, он лишь видел ещё одного страдальца, симптом этого пугающего мира.

– А, – выдохнул он. – Так вот ты какой. Ещё одна заблудшая душа. Присядь со мной. – Он сделал знак Скрип. – Девочка, принеси-ка нам настой на тех зелёных грибах.

Скрип исчезла и вернулась с тремя грубо выдолбленными чашами. Внутри была густая зеленая жидкость, от которой шел кисловатый запах. Кахрог едва заметно мотнул головой. Скрип выпила, не моргнув, будто это была вода.

– Ты идешь нести погибель, – заявил Корень, не спрашивая. Кахрог не стал отрицать. – Не думаешь, что, убив мать, убьешь и детей? Если мы повязаны одной жизнью, то что же будет с нами?

– Я лишь хочу остановить это, – глухо сказал Кахрог, впервые обращаясь к нему напрямую.

– "Это" – теперь воздух, которым мы дышим, земля, по которой ты ступаешь. Это теперь наша жизнь, наша боль, наша пища. Сможем ли мы жить без всего этого? Перегороди реку, и рыба останется на суше.

Он помолчал, дав словам висеть в спертom теплом воздухе.

– Ты говоришь так, будто знаешь, что я сделаю, и что будет, – заметил Кахрог.

– Я знаю, что ты можешь сделать, – поправил Корень. – Я видел Шепчущую Трясину. Ты заткнул её теперь навсегда. Я понимаю, что мои слова кажутся догадками. Но если придет конец движению, если ты дотронешься до Сердца, то, что тогда будет с сердцами тех, чье сердцебиение было, лишь эхом тех пульсаций?

Он смотрел на Кахрога не с ненавистью, а с усталой ясностью обреченного. В лагере притихли. Мутанты, подошедшие ближе, слушали. Кто-то смотрел на Кахрога как на спасителя, а кто-то – как на новую непонятную угрозу. Но все хотели понять тишину, которую он несет за собой.

Ответа не последовало. Разговор оборвал пронзительный нечеловеческий свист с дальнего поста, звук полый кости, в которую дуют, рвя глотку, и тут же тяжелый звук падающего тела.

Тишина прервалась.

Из тумана, как призрачные пловцы из молочной воды, вышли фигуры в одинаковых просмоленных плащах. Шлемы с длинными изогнутыми клювами-фильтрами скрывали лица. Очистители. Два десятка. В руках не мечи, а тяжелые топоры на длинных древках. В левых руках – факелы, горевшие ярким, почти белым пламенем. Они шли молча, строем, без криков. Их тишина – это организованная дисциплинированная смерть.

Первый факел, описав дугу, упал на навес над женщиной с прозрачной кожей. Сухая листва вспыхнула с ярким треском. Женщина вскрикнула, пытаясь сбить пламя, её дети завyli. Лагерь превратился в муравейник, по которому ударили палкой. Кто-то побежал, кто-то застыл, кто-то схватил то, что было под рукой – кости, палки, камни.

Кахрог встал. Двинулся навстречу строю, оставляя меч в ножнах. Его руки были оголены. Первый Очиститель, не меняя шага, занес топор. Кахрог не стал уворачиваться. Он сделал резкий шаг вперед, внутрь дистанции, и его левая рука, со вспыхнувшим тусклым светом шрамом, схватила древко ниже лопасти. Не было грохота, звона металла, лишь тихий хруст, будто ломали сухую ветку. Древко под его пальцами почернело, покрылось сетью глубоких трещин и рассыпалось в труху, сухой коричневый порошок осыпался сквозь пальцы. Лезвие топора с глухим стуком упало в грязь. Солдат застыл на мгновение, его разум отказывался понимать,

что только что крепкая просмоленная жердь превратилась в пыль. Этого мгновения хватило. Тут же Кахрог толкнул его в нагрудник.

Кожаный доспех, прошитый стальными клёпками, начал иссыхать на глазах. Кожа съёжилась, потеряв всякую эластичность, и превратилась в ломкий коричневый пергамент, который развалился под собственной тяжестью. Ужас был под ним. Плоть не обуглилась, не пошла кровью. Она поблекла. Цвет ушел, оставив серый сухой рельеф мышц. Второй удар пришелся в живот. Очиститель согнулся, и Кахрог с силой втокнул его в грязь. Человек не закричал. Его тело, полностью посеревшее, испустило последний воздух, отдававшийся сухим шепотом. Его тело, мгновенно лишённое влаги, осело, превратившись в кучу серого пепла.

На этот раз нависла абсолютная тишина. Даже строй замер. Они видели смерть. Принесли её огнём и сталью. Но это... это не укладывалось в их понимании. Командир, человек в шлеме с вороньими перьями, опомнился первым.

– Дьявол! – его голос, искажённый фильтром, был полон первобытного ужаса. – Это не человек! В него! Все факелы в него!

На Кахрога полетели факелы. Он тут же вытащил меч и начал их отбивать. Плащ охватили другие факелы, и он его сбросил. Несколько Очистителей набросились на него, пытаясь зажать со всех сторон.

Тяжёлый двуручник стал напарником Кахрога в грубом танце сражения. Продолжение его воли, холодной и бездушной. Он парировал удары и в удобные моменты наносил ответ. Одно мгновение, и живот одного из солдат был пронзён. Кахрог вынул меч и затем таким же грубым движением вонзил его в нападавшего сзади. Справа от Кахрога топор прорезал воздух влево, вправо, и вот уже лезвие прошло по плечу. Неглубоко, лишь задев. Солдат в ужасе и гневе мог лишь махать топором, забыв о своей дисциплине. Это его и сгубило. Меч с лёгкостью прошёлся по шее. Разворот и удар по ногам четвёртого. Повален.

Тем временем мутанты, видя это, нашли в себе ярость отчаяния. Нужно защищать свой дом. Человек с руками-дубинами вбивал фанатиков по одному, отбиваясь от ударов. Женщина с волосами-лианами опутала ноги двоим, повалив их. Их добивали камнями, когтями, зубами. Скрип металась, её хвост хлестал, как бич, вышибая оружие, а когти искали уязвимые места в доспехах. Солдаты хватались за шеи, пытаясь остановить кровь. Некоторые бежали в таком виде неизвестно куда, спотыкаясь и падая в грязь. Это была не битва, а короткая, жестокая мясорубка. Очистители, столкнувшись с неожиданным сопротивлением в лице Кахрога и отпором тех, кого они считали пассивным скотом, дрогнули. Их строй распался. Командир, увидев, как его люди терпят поражение, протрубил отход. Они отступили в туман, таща раненых и оставляя на земле догорающие факелы.

В лагере стояла тишина, нарушаемая тяжёлым дыханием, стонами и треском догорающего навеса. Мутанты смотрели на Кахрога. Большая часть из них смотрела с благодарностью, кто-то был шокирован и напуган, увидев то, что он им показал.

– Видел, – сказал Корень, смотря из-под своего навеса. – Они представляют опасность, не хотят, чтобы такие, как мы, жили. Он тяжело дышал: – Они вернуться. За тобой. За нами.

– Так, значит, пора усилить свой лагерь. Залечить выживших, – Кахрог обернулся к нему. – Научитесь бороться.

Во время разговора Скрип, тяжело дыша, подняла с земли какой-то предмет, выпавший из руки павшего соперника. Это был не амулет. Грубо вырезанный из светлого дерева медальон. На одной стороне нарисовано детское лицо. На другой – одно слово: «Вестерк».

– Что это? – спросила она, прерывая болтовню, и протянула медальон Корню. Тот взял его дрожащими пальцами и посмотрел.

– Цена их веры, – хрипло сказал он. – Вестерк. Городок. Год назад там прорвался росток Порчи, мелкий, но ядовитый. Люди не мутировали медленно... Они прорастали. За часы. Многие из этих... – он кивнул в туман, где скрылся отряд, – ...оттуда. Они видели, как их мир

обращается в плоть и хаос. Не все из них воины. Они скорбящие, которые решили, что лучшая память о погибших – это выжечь всё, что хоть чем-то на них похоже. Даже если это другая форма.

Он бросил медальон обратно в грязь.

– Здесь нет правых. Есть только больные и мёртвые. Нас всех раздирает одна Порча, но по-разному.

Кахрог молча, поднял медальон, стёр грязь, на мгновение задержал на нём взгляд. Затем спрятал его в карман одежды. Он посмотрел на Корня, потом на Скрип. Подобрал свой плащ, наполовину сгоревший, и накинул его на плечи.

– Я пойду к Сердцу, – произнес он, и это прозвучало как приговор самому себе. – И узнаю, что он мне ответит. А сейчас, думаю, Скрип согласится, нам нужен всем отдых и покой.

Она лишь кивнула в ответ его словам. Им выделили место, где они смогли остаться, даровав друг другу тишину для раздумий.

Глава 4: Плата

Скрип шла, пригнувшись, ее змеиные глаза постоянно двигались, считывая малейшее движение в переплетении лиан и пульсирующих грибов. Она не просто смотрела, она принималась, раздвоенный язык мелькал в воздухе, улавливая следы опасности. После лагеря она почти не смотрела на Кахрога. Ее молчание было тяжелым, как мокрая шкура. Она видела два конца: пепел от Очистителей и медленную смерть Корня в будущем. Ее собственная цель – месть, вдруг показалась ей мелкой и эгоистичной на фоне арифметики уничтожения. В мыслях все равно промелькала надежда: может быть, старик не прав, и никто не погибнет, кроме самой Матери. Отступить было некуда. Кахрог же ступал за ней, в его руках иногда крутился медальон.

– Здесь, – ее голос прозвучал резко, словно резанул по натянутой струне. Они остановились на краю. Перед ними расстилалась Живая Топь. Это было не болото, скорее поверхность. Огромная, почти идеально гладкая субстанция, цветом и консистенцией напоминавшая черную икру, смешанную с отработанным маслом. Свет на ней играл маслянистым переливчатым блеском. От нее не исходило запаха. Она приглушала звуки, краски здесь блекли, оставляя только это бесконечное, чавкающее черное зеркало. Звук был мерным, влажным, ритмичным. Чавк... чвак... чвак... Как будто пережевывало что-то непосильно большое. Иногда на поверхности вздувался пузырь, лопался беззвучно, выпуская облачко серебристых спор, которые тут же растворялись в воздухе. Иногда под тонкой пленкой проступали и тут же исчезали сложные, геометрические узоры – возможно, сосуды, возможно, примитивные нейронные сети.

– Граница, – сказала Скрип, не отрывая глаз от черной глади. – Она не ест. Она... ассимилирует. Делает частью себя. Если шагнешь, то не умрешь. Станешь сном в ее голове. Навсегда. Кахрог молча смотрел. Его внутренняя тишина, казалось, вступила в безмолвный диалог с этой пульсирующей, активной пустотой. Взгляд его скользнул вдоль кромки. Примерно в двухстах шагах вправо черная гладь прерывалась. Сначала казалось, что это гигантская, полуразрушенная арка, но при ближайшем рассмотрении стало ясно – это была плоть. Огромная, кольчатая, как у дождевого червя, туша, вросшая одним концом в берег, другим в противоположный. Это был Плот-Мост. Он дышал. Его бока медленно, волнообразно сжимались и разжимались, и с каждым таким движением из пор на его поверхности сочилась густая, прозрачная слизь, стекавшая в черные топи вниз. Он был похож на артерию, перекинутую через пропасть.

У его основания, там, где живая плоть моста сливалась с почвой, сидело существо. Нет, оно не сидело, существо произрастало из него. Было его частью. Три человеческих торса, лишенных рук, были сращены спинами в единый, уродливый узел. Их ноги превратились в пучки толстых, жилистых корней, уходящих глубоко, через землю, в само тело червя. Шеи были неестественно вытянуты, как у лебедей, изогнуты и сплетены, чтобы слиться в одну, массивную, бесформенную голову. На месте лица зияла пасть – беззубая, но обрамленная кольцевыми мышцами, способными, вероятно, сомкнуться с силой пасти удава. Вокруг пасти росли десятка полтора маленьких глазков-пузырьков, постояннодвигающихся независимо друг от друга. Это была Жвала. Страж порога. Когда они приблизились, пасть приоткрылась. Из нее медленно выполз язык. Длинный, бледно-розовый, липкий, он раздваивался на конце, и эти два кончика трепетали в воздухе, словно ноздри, но нюхали не запах, а что-то иное.

– Сто-о-п, – прозвучал голос. Он не исходил из пасти. Он вибрировал в самом воздухе, в костях, зубах. Влажный, глубокий, полный тягучих согласных.

– Шаг дальше – корм для Топи. Вы же не корм? Покажите себя. Скрип вышла вперед на полшага. Ее хвост нервно подрагивал.

– Мы хотим пройти дальше. По мосту. Какова цена? Все глазки на голове Жвалы разом повернулись к ней. – Мост спит. Я его сон, и я решаю, кто его тревожит. Плата? – язык извился

в воздухе. – Вкус. Чувство. Не любое. Только яркое. Страх, что сжимает глотку. Гнев, что прожигает душу. Отчаяние. Сладкое чувство вины.

– Ты ещё эмоции? – спросила Скрип, и в ее голосе прозвучало не отвращение, а холодное любопытство.

– Ем? Нет, что ты. Я лишь пробую. Выест полностью я не смогу. С ними... я начинаю немного жить. Дай мне вкусить. Скрип медленно протянула руку, ладонью вверх. Раздвоенный язык Жвалы плавно обвил ее запястье, не сжимая. Кончики легли прямо на кожу, где прощупывался пульс. Ничего не произошло на первый взгляд. Потом лицо Скрип исказилось. Не болью, а пустотой. Ее глаза остекленели, зрачки расширились. Она застыла, как под гипнозом. Из ее горла вырвался тихий, детский стон – звук, которого Кахрог от нее еще не слышал. Казалось, у нее изнутри вытягивали какую-то болезненную нить. Язык отдернулся, свернулся и скрылся в пасти. Жвала издала долгий удовлетворительный чавкающий звук.

– М-м-м-м-м... да. Страх. Не просто страх смерти. Страх потерять себя. Чистый дикий вкус. Спасибо. Скрип отшатнулась, пошатываясь. Она оперлась на хвост, ее грудь быстро вздымалась. Кахрог увидел разницу: ее осанка, всегда готовая к прыжку или бегству, немного расслабилась. Взгляд, всегда сканирующий округу на угрозы, стал более прямым, даже наглым. Она посмотрела на черные топи, и в ее глазах не было прежней животной осторожности, а лишь вызов. Она отдала часть своего базового, охранительного страха. И стала безрассуднее.

– Теперь ты, – все глазки Жвалы повернулись к Кахрогу. – Давай свой вкус.

Кахрог медленно снял перчатку с левой руки. Пепельный шрам мерцал тусклым светом в этом лишенном красок месте. Он протянул руку. Язык вновь выскользнул, обвил его запястье, но... не коснулся кожи. Он завис в миллиметрах, кончики задрожали.

– Что... что это? – голос Жвалы потерял свою влажную уверенность. В нем послышались нотки тревоги, почти отвращения. – Здесь... здесь ничего нет. Стой, стой, есть. Но я не могу вкусить. Я чувствую гнев и боль, чувствую усталость такую тяжелую... но не могу попробовать. Язык резко отдернулся, будто обжегшись о холодный камень. Жвала съежилась, ее торсы пошевелились в беспокойстве.

– Нет, так не пойдет! Нет вкуса – нет прохода!

Кахрог не убрал руку. Он смотрел на свою ладонь, на эту молнию.

– Я могу дать тебе ощущение, – сказал он, и его голос прозвучал особенно глухо в этой влажной тиши. – Ты вкушаешь эмоции, а я могу дать тебе память об ощущении. Хочешь? Жвала замерла. Ее глазки забегали быстрее.

– Ощущение? Какое? Кахрог поднес свою обнаженную ладонь к собственному лицу, почти коснувшись щеки, но остановившись на волосок от кожи. Он закрыл глаза на секунду, будто пытаясь что-то вспомнить из глубин.

– Прикосновение, – прошептал он. – Теплой чужой кожи. Ее текстура: шершавая, гладкая, влажная, сухая. Дрожь доверия под пальцами. Вес руки на плече. Легкость поцелуя в лоб. Я уже начал их забывать. Тебе стоит успеть вкусить его. Хочешь?

Он снова протянул руку, ладонью вверх. Воздух сгустился. Жвала, казалось, колебалась. Ее язык медленно выполз снова, но не чтобы коснуться. Он извивался в воздухе, как слепой червь, пытающийся увидеть.

– Прикосновение... что это? Если не проводник эмоций?

Кахрог сделал легкое движение рукой, будто стряхивая пыль. Ничего не произошло. Но Жвала вдруг содрогнулась всем своим уродливым телом. Ее пасть открылась в беззвучном крике, глазки закатились.

– А-а-а... – вырвалось у нее хрипло. – Холод... такой холод... от забытья. Как же смотреть на место, где стоял дом, знать, что он был, но не помнить ни крыши, ни его окон. Я принимаю. Проходи.

Массивный червь-мост отозвался глухим, внутренним стоном. Его мускулистое тело напряглось, кольца сжались, и с шипящим звуком, похожим на струю пара, он начал опускаться. Он ложился не как бревно, а как живое существо, принимающее позу поудобнее – дугу, идеально перекинутую через черную пропасть. Его поверхность была мокрой, блестящей, испещренной сетью синеватых сосудов, пульсирующих под тонкой кожей.

– Идите, – просквозило от Жвалы, голос стал тише, рассеянным, будто существо ушло в себя, размышляя о новом вкусе. – Быстрее. Он не спит, он наблюдает.

Скрип кивнула Кахрогу, и они ступили на живую плоть. Поверхность была упругой, но не скользкой – слизь давала странное сцепление. Она была теплой, почти горячей, и с каждым шагом под ногами пробегала мелкая дрожь, как будто мосту было щекотно. Они шли, молча, ускоряя шаг, стараясь не смотреть вниз. Но избежать этого было невозможно.

Черная гладь Живой Топи внизу не была пассивной. В ее глубине плавали узоры, которые было видно с моста, складывающиеся в мимолетные абстрактные формы: спирали, решетки, круги. Иногда на поверхности появлялась рябь, расходящаяся от невидимого центра, и в этом месте на миг появлялись примитивные рисунки – дом, очаг, лес, живность – и тут же таяли. Топь делилась с ними обрывками снов.

Они были на середине моста, когда из черной глади прямо под Кахрогом вытянулось щупальце. Прозрачное, мерцающее тусклым фиолетовым цветом, оно коснулось его виска с нежностью плывущего скальпеля по коже. Кахрог замер. Щупальце не атаковало. Оно делало то, чем жило: пыталось прочесть жизнь, найти слабость, точку входа для преобразования. Но то, что оно нашло, не было жизнью. Некуда прорасти, нечего преобразовывать. Вместо сигнала к мутации щупальце получило молчаливый отказ. Щупальце дрогнуло, на миг обрело жуткую, мимолетную индивидуальность – сознание кусочка плоти, внезапно понявшего, что оно отдельное от целого и не знает, что теперь ему делать. И в следующее мгновение, лишенное связи с волей Топи, оно растворилось. Не рассыпалось в прах, а просто расплылось, как чернильные капли в воде, превратившись в серую слизь, капнувшую вниз.

Но щупальце успело послать обратный сигнал. Для Кахрога удар был не физическим. Это был внутренний резонанс. Щупальце, пытаясь его "прочитать", на мгновение нарушило совершенный, ледяной баланс его проклятия. Защищаясь, его сила нанесла контрудар по угрозе, но эта вспышка активности временно истощила внутренний барьер – ту самую стену, что годами держала в запечатанном состоянии процессы его души. И в образовавшуюся брешь хлынуло то, что было погребено.

Запах дыма от костра, смешанного с запахом хвои – не из Топей, а с далеких земель, холодных и чистых. Шершавая ткань чужого плаща на его плече и чувство тяжелой руки, легкой поверх. Подгоревшая лепешка, растворяющаяся на языке. Дружеский, смешливый тон в ушах. И боль острая, яркая, как удар ножа под ребро. Эхо прошлой душевной боли. Чувствовал ее снова и снова, как будто рана никогда не затягивалась. Хаос похороненных ощущений и эмоций, вырвавшийся на свободу. Для Кахрога это стало катастрофой.

– А-а... – хриплый звук вырвался из его глотки.

Он не упал. Он остался стоять, но его тело перестало ему подчиняться. Оно содрогалось мелкой дрожью. Его глаза, всегда сфокусированные на пепельной дали, забегали, не видя реального мира, вылавливая призраков изнутри. Он отшатнулся от невидимой угрозы, рука потянулась к рукояти меча. Потом замер, уставившись на свою ладонь, будто впервые видя шрам-молнию, и из его горла вырвался короткий, подавленный стон.

– Кахрог? – голос Скрип прозвучал приглушенно, будто из-за толстого стекла.

Он повернул к ней голову. В его глазах не было узнавания. Была паника дикого зверя, загнанного в угол собственными кошмарами. Его губы шевельнулись, прошептав что-то на странном наречии, которого Скрип не знала. Он был сломлен. И он был опасен.

Скрип поняла это за долю секунды. Ее собственный, урезанный страх крикнул внутри. Он был рационален. Она видела, как его пальцы сжимаются и разжимаются, как его взгляд зацепился за ее чешую, в нем мелькнуло что-то – не любопытство, а отторжение. Вспомнил ли он кого-то с чешуей? Или сама мутировавшая плоть стала для него опасностью? Она действовала, не думая. Ее плащ был уже снят. Она набросила его на голову Кахрога сзади, стараясь не касаться его кожи, опутала лапами его руки и рванула на себя. Он, оглушенный внутренней бурей и внезапной темнотой, потерял равновесие и рухнул назад.

– Успокойся! – прошипела она ему на ухо, прижимаясь всем весом, ее хвост обвил его ноги. – Это я! Скрип! Здесь и сейчас! Только топи и я!

Он боролся под тканью, но борьба была слабой. Он выдыхал странные, обрывистые слова, то на том языке, то понятные части фраз, то просто бессвязные звуки. Потом его тело обмякло. Не потому что пришел в себя. Оно истощилось. Шторм обрывков схлынул, оставив после себя выжженную, пустую равнину. Он сидел на плоти, сгорбленный, тяжело дыша, плащ съехал ему на плечи. Скрип осторожно отпустила его. Кахрог не двигался. Его взгляд был прикован к узору слизи на мосту перед ним, но, казалось, он ничего не видел.

– Встань, – приказала она, но в голосе не было прежней уверенности. Был холодный приказ сиделки буйному пациенту. – Вставай и иди. Сейчас.

Он медленно, как очень старый человек, поднял голову. Его глаза встретились с ее змеиными. В них не было ни тишины, ни силы. Осталась только глубокая усталость и смущение. Кахрог попытался встать, пошатнулся. Его ноги не слушались. Скрип выругалась про себя. До дальнего берега оставалось еще тридцать шагов. Кахрог мог сорваться в любой момент. Он мог, вспомнив что-то, шагнуть с края или повернуться против нее.

Носилки. План для его рассудка.

– Сиди, не двигайся, – бросила она ему, и в ее голосе звучала нотка, не терпящая возражений.

Она работала быстро, почти яростно, заглушая вспыхнувшую в груди тревогу. Лианы, жерди, узлы. Она плела не просто транспортировочное средство, она плела смирительную койку. Койку, которая удержит его, не даст сделать резких движений, причинить вреда себе или ей. Когда каркас был готов, она подтащила его к Кахрогу.

– Ложись, – сказала она.

Он посмотрел на носилки, потом на нее. В его глазах промелькнула тень понимания и стыда. Скрип принялась привязывать его. Не грубо, но плотно. Ремни охватили его грудь, бедра, голени. Она оставила чуть свободными руки, привязав их к палкам, ограничив движение. Она стала упряжью. Когда Скрип потащила носилки, он не сопротивлялся. Кахрог лежал, уставившись в багровеющее небо, его лицо было отрешенным. Только легкое движение век выдавало внутреннюю бурю.

Она потащила его, оставляя глубокий след. Ее мысли метались, она уже не шла со своим оружием. Скрип теперь везла раненого. Она видела эти обрывки, эту боль. Знала, что такое, когда чужое лезет в твою голову. Но это было его собственное, то, что он похоронил.

"Неважно, – заставила себя думать она, впиваясь когтями в землю. – Неважно, кто он был. Он – тот, кто может мне помочь. Он должен прийти. А я должна помочь ему. Всё". Она бросила взгляд через плечо. Его глаза были закрыты. По щеке скатилась слеза, медленная, тяжелая. Она упала на носилки.

Скрип отвернулась и потащила дальше.

Глава 5: Шрам на душе

Это было убежище. Место, куда стекалось то, что не принял даже Червовый Торг со своим циничным практицизмом. Сюда попадали мутанты, чьи изменения были слишком бесполезными, слишком уродливыми или слишком опасными для контролируемой торговли. Здесь царил не закон, а хрупкое, молчаливое перемирие отчаяния. Выживал сильнейший. Выживал самый хитрый. Выживал тот, кто мог принести в общую яму хоть что-то, кроме собственного уродства.

Скрип была охотницей. И хорошей.

Ее конура – вернее, нора, вырытая под вывернутыми корнями древнего болотного кипариса, располагалась на окраине Омутов. Место было выбрано не случайно: с одной стороны – глухая стена древесной ткани, с другой – обрыв к зловонному ручью, кишашему слепыми, зубастыми головастиками. Подход только один. И она всегда чувяла его за десять шагов. На рассвете, если это слово вообще имело смысл в вечных сумерках Омутов, она выползала наружу. Ее тело, гибкое и мускулистое, идеально приспособилось к миру гниющей вертикали. Чешуя на левой щеке и плече была не просто украшением – она была броней, твердой и скользкой, о которую ломались зубы мелких паразитов. Ее ступни с полувтяжными когтями цеплялись за скользкую кору и неровную землю. Хвост – ее гордость и главное оружие – был длинным и сильным. Он был и рулем при прыжках с ветки на ветку, и дополнительной конечностью, и смертоносным хлыстом.

Сегодняшняя цель – болотный крапчатый ползун. Существо, рожденное из симбиоза гигантской пиявки и чего-то, что было похоже на ракообразное. Оно было ценным: его печень, насыщенная железом и редкими ферментами, была нужна алхимикам, а его хитиновые пластины на спине, после долгой обработки, становились прочнее стали и легче дерева. Ползун был осторожен, ядовит и умел маскироваться под гниющий пень. Скрип выслеживала его три дня. Она знала его тропу, знала место, где он поглощал прогнившую древесину, насыщенную грибницей. Она устроила засаду на толстой ветви в пятне полного, почти неестественного мрака. Ее чешуя, казалось, впитала окружающую черноту, змеиные глаза не мигали, улавливая малейшее движение внизу. Она не дышала минуту, другую.

И тогда он появился. Массивное, медлительное тело, покрытое буграми и мхом. Он проползал под ней, его бока шуршали по влажной земле. Она не прыгнула. Она упала вниз, как камень, рассчитав все так, чтобы приземлиться ему прямо на спину, позади головы. Хвост обвил его туловище, сжимая пластины. Свободной рукой она вонзила свой коготь-кинжал в бок, ища спинной нервный узел. Ползун взревел, звук, похожий на лопающийся мех с горохом – и забился в агонии. Борьба была короткой, жестокой и молчаливой, если не считать хруста ломающегося хитина и хлюпающих звуков разрываемой плоти. Скрип работала методично, без злобы, без азарта. Это была работа. Грязная, кровавая, но работа. Когда существо затихло, она, тяжело дыша, откатилась с него. Ее руки и грудь были перепачканы липкой, темно-синей гемолимфой. Она быстро, профессионально отсекла нужные части: печень, осторожно, чтобы не раздавить желчный пузырь, несколько целых пластин. Остальное оставила. Падальщики Омутов разберутся с тушей за час.

С добычей в заплечной сетке она отправилась в «центр» открытую, утопанную площадку вокруг гигантского мертвого пня, служившего и столом, и местом сбора. Здесь уже толпились другие. Женщина со щупальцами вместо волос меняла пучок светящихся мхов на кусок закопченного мяса неведомого происхождения. Существо, похожее на ходячий гриб с глазами-точками на шляпке, демонстрировало кому-то свои споры, которые, судя по жестам, должны были быть галлюциногенными. Воздух гудел от сиплых переговоров, хриплого кашля и запахов – десятков разных запахов гниения, жизнедеятельности и отчаяния.

Скрип подошла к Глинищу. Так звали старого мутанта, который исполнял роль и старейшины, и судьи, и главного торговца. Он сидел на самом большом пне. Его тело, как и его имя, были глиной, благодаря этому он мог применять многие формы. Он был одним из тех, кто научился жить со своей мутацией и использовать ее во благо себе и таким же отрешенным. Сейчас же он предстал перед Скрип в гуманоидном образе. Его глаза, маленькие и черные, как смола, видели все.

– О, Охотница, – пробурлил он. – Принесла нам кусочек солнца в нашу тьму? Или просто еще немного смерти?

Скрип молча вывалила добычу на пенек перед ним. Глинище потрогал печень одним склизким пальцем, понюхал, кивнул.

– Качественно. Без повреждений. – Он вздохнул. – На что меняешь?

– На обычное, – глухо сказала Скрип. – И на синий.

Глаза Глинища сузились. Он кашлянул, и из его рта выпорхнуло облачко рыжих спор.

– Обычное – еда, вода, соль. Это есть. Синий... Скрип, он дорожает. Его становится меньше. А желающих – больше.

– Я принесла печень крапчатого ползуна, – холодно парировала она. – Целиком. И шесть неповрежденных пластин. Это больше, чем в прошлый раз.

Старый мутант что-то пробормотал себе под нос, покопался в тайнике за спиной – отверстию в пне, завешанном гнилой кожей. Вытащил сверток с вяленным мясом, мешочек с мутной водой и маленькую, плотно закупоренную роговую фигурку. Именно фигурку. Синий гриб был слишком ценен, чтобы хранить его просто так. Его споры, смешанные со смолой и пеплом, прессовали в маленькие тотемчики. Одного хватало на несколько приемов. Скрип быстро забрала свое, спрятав тотем за пазуху, туда, где чешуя переходила в обычную кожу. Прикосновение прохладного рога к груди вызвало волну облегчения, еще даже без употребления. Само знание, что он есть, было, лекарством.

– Он тебя съедает, девчонка, – негромко сказал Глинище, пока она упаковывала провизию.

– Что? – взглянула на него Скрип.

– Синий. Он не лечит. Он глушит. А то, что он глушит, никуда не девается. Оно копится. Растет. И однажды... – он щелкнул языком, звук был похож на ломающуюся ветку, – ...синего не хватит.

– Мне нужно только дожить до одного дела, – отрезала Скрип, поворачиваясь, чтобы уйти.

– До мести? – голос Глинища стал тише, но от этого пронзительнее. – Ты думаешь, убьешь свою «мать» и боль уйдет? Ты – ее плоть, ее воля, пусть и искаженная. Убьешь ее – что станет с тобой? Может, рассыплешься в пыль. Может, станешь настоящим монстром. Синий от этого не спасет.

Скрип не обернулась. Она вжала голову в плечи и засемила прочь, в зеленый полумрак, к своей норе. Его слова висели у нее за спиной, как прилипшая пиявка.

В норе она сначала поела. Потом, зажмурившись, отломала крошечный кусочек от синего тотема, положила под язык. Горький, металлический вкус разлился по рту, за ним пришло холодное онемение, поднимающееся к вискам. Мир потерял резкость. Навязчивый фон Топей – то самое давление, что постоянно давило на заднюю стенку сознания, – отступил, стал тише. Внутренняя боль, всегда тлеющая где-то глубоко в костях, утихла. Она вздохнула полной грудью впервые за несколько дней. Это был покой. Дорогой, обманчивый и необходимый, как воздух.

Она уснула. И как всегда, когда в ее крови был синий, ей не снились кошмары.

Ей снилась она. Не образ. Ощущение. Она была огромной. Бесконечной. Она была сырой землей, пульсирующей грибницей, соком в стеблях ядовитых цветов. Она была голодом. Не к

пище, а к форме, к заполнению пустоты, к продолжению. Она откладывала жизнь не со зла, не с любовью, а потому что это было ее природой, как дышать. И одно из этих семян, крошечное, несовершенное, было здесь, в этом малом, дергающемся теле, что называло себя Скрип. Оно было ошибкой. Отклонением. Оно сохранило слишком много от «до», от «старого я». Его нужно было... перезаписать. Вернуть в лоно. Переродить заново, уже правильным.

Во сне Скрип чувствовала не ненависть. Она чувствовала равнодушную, всепоглощающую потребность этой сущности вернуть свою заблудшую частичку. И это было в тысячу раз страшнее.

Она проснулась с криком, который застрял у нее в горле. Была глубокая ночь. Синее уже выветрилось. И боль вернулась. Не как тупая тяжесть, а как зов. Тянувший, ноющий, как кость, которую пытаются вывернуть из сустава. Он шел изнутри, из самого ее нутра. Она зарычала, вцепившись пальцами в земляной пол норы. Нет. Нет. Она не его часть. Она – Скрип. Охотница. Она сама по себе. Она вырвана.

Волна прокатилась по ее телу. Это было не просто чувство. Это было вторжение. На несколько секунд ее сознание помутнело, и она почувствовала то же самое, что и во сне, но теперь наяву: слепой, всепоглощающий импульс к размножению, к распространению, к тому, чтобы найти подходящую плоть и отложить в нее часть себя. Равнодушие к индивидуальности, к боли, к страху. Только миссия. Только продолжение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.